

18+

Владислав Степаненко

Печать мертвеца

Владислав Степаненко

Печать мертвеца

<https://litres.ru/74269238>

ISBN 9785007064101

Аннотация

Петербург, 1873 год. На столе архивного писаря Крылова появляется конверт со списком семи имён и запиской: «Все они умрут. Ты следующий». Первый в списке уже мёртв. Крылов не следователь и не герой — но только он видит связь. Времени почти нет.

Содержание

В. С. Степаненко	5
Санкт-Петербург, 187... год	5
Часть первая. Конверт без подписи	6
КРЫЛОВУ	8
Глава II. Четверо у камина	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Печать мертвеца

Владислав Степаненко

© Владислав Степаненко, 2026

ISBN 978-5-0070-6410-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В. С. Степаненко
ПЕЧАТЬ МЕРТВЕЦА
Роман в двух частях

Санкт-Петербург, 187... год

Нет правды на земле. Но правды нет и выше.

— А. С. Пушкин

*Преступление и наказание суть вещи неразделимые,
как тень и свет.*

— Из записных книжек следователя Путилина

Часть первая. Конверт без подписи

Беда никогда не приходит одна.

— Русская пословица

Глава I. Конверт без подписи

Афанасий Фёдорович Крылов служил в Министерстве юстиции уже двенадцатый год и за всё это время ни разу не опаздывал. Не потому, что боялся начальства — начальство, в лице надворного советника Протасова, было существо ленивое и рассеянное, — но потому, что не опаздывать было его природою, так же как не опаздывают восходы солнца или приходы зимы.

Он появлялся в архиве ровно в половине девятого, вешал шинель на крюк у двери, садился за стол, покрытый зелёным сукном, и раскрывал папку с входящими бумагами. Порядок был для него не средством, а самою целью жизни — быть может, единственною.

Петербург в октябре тысяча восемьсот семьдесят третьего года был угрюм и сыр. Туман ложился на Неву с вечера и не уходил до полудня, а то и вовсе оставался до следующей ночи, словно не желал расставаться с городом. Фонари на Литейном горели в этом молоке бледно и беспомощно, как свечи в соборе при отпевании.

В то утро, войдя в архив, Крылов первым делом заметил

конверт.

Он лежал поверх папок — белый, плотный, хорошей бумаги, какую употребляют люди состоятельные или желающие таковыми казаться. Имени на конверте не было. Ни адреса, ни печати. Ничего, кроме одного слова, написанного твёрдою рукой:

КРЫЛОВУ

Афанасий Фёдорович снял перчатки, положил их рядом, как всегда делал — правую подле левой, — и некоторое время смотрел на конверт. Затем вскрыл его ножом для бумаги.

Внутри находился лист, сложенный вчетверо. На листе — столбец имён, семь штук, написанных тем же твёрдым, почти чертёжным почерком. А ниже, отделённые чертой:

Все они умрут.

Ты следующий, если не остановишь это.

Крылов читал записку дважды, трижды, потом положил на стол и стал смотреть в окно. За мутным стеклом серая вода канала несла опавший лист, и лист кружился медленно, как будто не решался плыть дальше.

Первым в списке стояло: Семён Аркадьевич Волохов, коллежский асессор.

Крылов знал это имя. Он знал все семь имён — потому что через его руки прошли их дела. Дела давние, запылённые, давно сданные в архив и позабытые. Что могло связывать этих людей, разных по положению, по возрасту, по роду занятий?

В десять часов утра пришёл курьер из Третьего отделения с извещением, которое Крылов уже почти предвидел: этой

ночью из Невы был извлечён труп коллежского асессора Волохова. Смерть произошла насильственным образом. Следствие принял к производству пристав Сенной части.

Крылов долго сидел неподвижно. Потом достал из ящика стола лист чистой бумаги, обмакнул перо и написал три адреса.

* * *

Владислав Корчевский жил в Коломне, в доходном доме купца Рябова, на четвёртом этаже, откуда в ясный день была видна колокольня Никольского собора. В ясные дни, впрочем, он на колокольню не смотрел — пил чай, чинил сапоги или чистил пистолет, которого давно не имел права носить.

Разжалование произошло три года назад, после дуэли с поручиком Загорским. Загорский остался жив, чего нельзя было сказать о его репутации; Корчевский лишился погон и пенсионера, зато сохранил то, что ценил выше обоих, — привычку смотреть людям в глаза без страха.

Записку от Крылова он прочёл стоя, держа её двумя пальцами, как держат что-то незнакомое и, возможно, опасное.

— Что ж, — сказал он денщику своему, Кузьме, который давно уже никаким денщиком не был, но продолжал жить при нём из верности, необъяснимой разумными доводами. — Собирайся, Кузьма. Пойдём послушаем писаря.

* * *

Антон Вениаминович Светлов учился на третьем курсе Медико-хирургической академии и в ту осень занимался

изучением ядов — с энтузиазмом несколько пугающим его профессоров. Он был молод, двадцати двух лет, худ, с насмешливыми глазами и привычкой говорить то, что думает, что в академической среде считалось дурным тоном.

Записку от Крылова он получил в анатомическом театре, куда посыльный имел смелость явиться, несмотря на запах и зрелище, открывшееся ему у дверей.

— Волохов, — произнёс Антон вслух, прочитав список. — Я видел его на прошлой неделе. Живой был. Здоровый. — Он помолчал. — Что ж, пожалуй, это интереснее, чем лекция по фармакологии.

* * *

Лушин — звали его просто Лушин, имени никто не знал, да он и не говорил — держал лавку на Сенном рынке. Торговал он всем: перьями, верёвками, старыми книгами, медными пуговицами. Говорили, что за нужную цену Лушин мог достать сведения о любом человеке в Петербурге — живом или мёртвом.

К запискам Крылова он привык: они встречались ещё с той поры, когда Афанасий Фёдорович разыскивал пропавшее завещание одного купца. Лушин тогда нашёл завещание за три дня и взял за труды столько, сколько счёл справедливым, — не более.

Записку он прочёл у прилавка, жуя хлеб с солью, и только слегка сощурился.

— Семеро, — пробормотал он. — Семеро — это не слу-

чайность. Семеро — это замысел. — И убрал записку в карман тулупа.

Глава II. Четверо у камина

Они собрались в тот же вечер на квартире Крылова — на Фонтанке, в третьем этаже скромного, но чистого дома. Хозяин поставил самовар, принёс ветчину и хлеб, что в иное время почёл бы достаточным угощением. Но в тот вечер никто не думал об угощении.

Корчевский занял единственное кресло — не из наглости, а по той уверенности движений, которая остаётся у военного человека, даже утратившего всё прочее. Антон присел на подоконник и болтал ногой. Лушин стоял у стены, как человек, который привык быть там, откуда виден весь зал.

Крылов разложил на столе список и извещение о смерти Волохова.

— Господа, — начал он и остановился: слово «господа» в применении к этому собранию звучало отчасти нелепо. — Прошу извинить за краткость письма. Я и сам не вполне понимаю, что происходит. Но вот что мне известно.

Он говорил негромко, ровно, как привык диктовать входящие бумаги. Семь человек. Все они в разные годы прошли через архив Министерства юстиции — как свидетели, как истцы, как ответчики. Ни одного дела их не связывало напрямую. Но что-то связывало — иначе зачем кому-то составлять этот список?

— Волохов мёртв, — сказал Антон. — Что известно о

смерти?

— Утоплен. Следов борьбы не обнаружено. Следовательно склоняется к несчастному случаю или к самоубийству.

— Самоубийство, — повторил Лушин задумчиво. — Удобная версия. Особенно для тех, кому неудобна другая.

Корчевский поднялся, подошёл к столу и склонился над списком. Пальцы у него были длинные, прокуренные, с шрамом на большом — след сабельного удара, давнего, ещё турецкого.

— Я знаю третье имя в списке, — произнёс он. — Ротмистр Берсенов. Мы служили в одном полку. Хороший был офицер. Незаурядный. — Он выпрямился. — Если он в этом списке, я хочу знать почему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.